

Глава 1

Говорят, именно в это время — в начале мая — в Северном Ледовитом океане вскрываются льды, высвобождая огромные массы холодного воздуха. Именно в эти дни цветет черемуха и, по приметам, холодает. Воздух из Арктики приходит всегда. Но Катя не всегда чувствовала его так остро. Она сама казалась себе Снежной Королевой, в сердце которой застряли льдинки, и некому их растопить. Жизнь словно остановилась на этой холодной злой ноте, ни о чем больше не думалось, как только о них.

Ночами вместе с холодным воздухом приходили ужасные сны — в них Катя видела то, что увидела у Сони дома, точнее, что осталось за кадром, но легко было додумать. Она и додумывала.

Пойти с этим всем было не к кому, один только Антон оставался преданным слушателем. Он

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

по-прежнему подрабатывал съемкой обучающих фильмов для своих психологов, у которых учился, но диалоги с ним отсутствовали, скорее это были диалоги с камерой.

Катя, как все эти годы, садилась на высокий стул посреди большой холодной студии и говорила все, что в голову взбредет.

— Знаешь, я заметила, что совершенно перестала смотреть комедии.

— Не отвлекайся. Скажи, как тебя зовут.

— Я серьезно, совсем.

— Ты и раньше их не смотрела.

— Да, я вообще не люблю кино. Особенно теперь.

— Расскажи, что произошло. Только сначала скажи, как тебя зовут, и смотри в камеру, хорошо?

— Ты знаешь, как меня зовут! — Катя разозлилась, спрыгнула с высокого табурета и пошла к выходу, на ходу надевая куртку.

— Старуха, ты не меняешься.

— Старухи уже не меняются, Антон.

— Ну что, что ты завелась-то? Я привык, что на позитиве ты не приходишь, но сегодня что-то особенное.

— Не получается, извини. Дай зажигалку. Отвыкла я, понимаешь? Как такое можно говорить на камеру?

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Я не психоаналитик, — он пожал плечами, — это же обучающий фильм для студентов. Ты же не в первый раз. У нас все по одной схеме, иначе это не возьмут. Я снимаю то, за что мне платят, это методика, они по ней учатся, станут психологами.

— Я в курсе.

— Пойдем просто выпьем тогда. Без камеры. Или еще попробуем? Ты же мне так хорошо все рассказала по телефону, а тут вдруг сорвалась.

— Мне раньше это помогало, Антош. А теперь перестало. Видимо, я все-таки меняюсь.

— Ну что ты загоняешься, сказала бы, что мужик твой тебе изменил. Рассказала бы, что чувствуешь, туда-сюда. Подружка увела мужика, тысячи баб ежедневно переживают что-то подобное, чем ты лучше?

— Я сейчас дам тебе по морде.

— За что, интересно?

— Ты все упрощаешь. Это даже не измена, это... Они просто за моей спиной. Все это время. Я ей плакалась, все рассказывала, она гладила меня по голове, утешала, а потом выходила и шла к нему. Или он стоял внизу у подъезда и ждал, когда я выйду, чтобы к ней подняться.

— Очень красиво смотрится, — Антон задумчиво выпустил колечки дыма в потолок, — снять бы такое. Но это чисто игровой фильм.

Катя поморщилась.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

— А что в таких случаях советуют делать психологи?

— Не загоняться они советуют. Жить полной жизнью, в бассейн записаться, мужика нового завести.

— Как красиво ты куришь. И как отвратительно разговариваешь...

— Это не я, это ж психологи, — он противно засмеялся, широко раскрывая рот, — я тебе совсем другое бы посоветовал.

— Интересно, что же?

— Ты девка горячая. Не успокоишься, пока не отомстишь. Найми там кого-нибудь, пусть кости ему переломают.

— Ага. И сразу полегчает.

— Зря ты смеешься, полегчает.

— Я лучше найду настоящего психоаналитика. А кости переломаю тебе.

— Найди. Только психоаналитики — штука опасная, ты это учти.

— Чем же?

— Ну, как... Ты ему о себе — все. Он тебе о себе — ничего. Он у тебя — один-единственный, а ты у него — восьмая с утра. Он для тебя — облегчение, разгрузка, а ты для него — работа, рутина, объект наблюдения. Он домой приходит и жене со смехом рассказывает, как ты сегодня...

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

— Все, прекрати. Проводи меня до машины, а то фонарь во дворе не горит.

— Темного двора боишься, ты-то? Боишься кого-нибудь замочить в терапевтических целях? — Антон опять заржал.

— Я тебе позвоню. Может быть.

— Дай сигаретку напоследок, а то я допоздна тут без курева. — Антон обчистил ее на полпачки и, видимо чувствуя себя виноватым, добавил: — А психотерапевта я тебе найду, я ж для института делаю программы, спрошу ребят... порекомендуют... Но ты, слышишь, сбрось пар, не оставляй этого так. Ты же женщина кавказская, должно полегчать.

— Я позвоню тебе.

«Кавказская? Что он может знать? Это просто предположение?»

Светофоры выкатывали ей навстречу зеленые горошины, но раздражение не унималось.

Дома она сразу же бросилась к тому единственному собеседнику, который уже много лет помогал ей разобраться со своими мыслями.

«Дорогой дневник! Надеюсь, у тебя все хорошо, потому что ты никого не любишь. Кроме, разумеется, меня. У тебя на душе спокойно, а душа у тебя точно есть, и эта душа — моя. Я часто задумываюсь о том, какую огромную часть себя

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

человек отдает, фиксируя свои мысли на бумаге, невольно создавая новые образы, другую реальность. Даже устная речь иногда создает что-то существующее физически отдельно от нас. Да, произнесенное слово имеет энергию.

Какая чушь. Как ужасно разговаривает Антон. Может, я правда — кавказская женщина? Что же, проверим».

На следующий день она уже заняла свой первый наблюдательный пост — напротив Сониного подъезда. У Митинога дома сидеть было бесполезно — там ведь жена, не приведет же он туда любовницу.

Да и сколько времени уже потрачено на его окна! Все лавочки, бордюры и кусты в его дворе были Кате родными. И вот — она снова у подъезда, снова караулит его.

Сколько прошло времени? Четыре года? Да, уже почти четыре... А воз и ныне там, только поменялся подъезд.

Как раз с подъездом-то она и ошиблась — за трое суток почти непрерывного дежурства никто из него не появился.

Значит, уехали снимать. Значит, она рядом с ним.

Катя бесконечно прокручивала в голове болезненные сцены, представляя их вместе за завтра-

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

ком, на работе, на прогулке... Как они держатся за руки.

Это была почему-то приятная боль. Ей казалось, что они должны быть страшно счастливы, особенно Соня. Каждый день быть с ним рядом, заботиться о нем, разговаривать с ним, знать, что вечером ляжете в одну постель, — это ли не счастье?

Соня как раз так не считала. Точнее, это счастье ее изрядно измотало. Разговоры постоянно перерастали в ссоры на производственной почве, а до постели надо было еще дойти. Физически дойти. Если Митя в постели почему-то вдруг оказывался трезв, то моментально засыпал от усталости и нервного напряжения.

Соня тоже валилась с ног уже к обеду, поэтому они никогда даже не говорили о личных отношениях. Трудно было вообще сказать, почему они считались любовниками.

Знали, конечно, все — съемочная группа жила в другой гостинице, где был и Сонин номер. Но все знали, где ее искать, если она понадобится.

Разумеется, это никого не удивляло, съемочный процесс требовал вдохновения.

С этим вдохновением как раз обстояло труднее всего.

Соня и работала вдохновением — остальные специальности она пока освоила не так хорошо.

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

Еще работая над сценарием, Митя не позволял главному герою ни одной реплики без оглядки на Соню. Постоянно возникали вопросы о смысле каждого поступка, о смысле этой истории в целом. И Соня, не смущаясь даже редким присутствием живого автора сценария, объясняла им обоим — кто такой главный герой, «для чего он у нас именно такой», что будет дальше и чем сердце успокоится.

Иногда она просила время на раздумье. Но уже через несколько часов Митя звонил ей из дома и полузадушенным голосом, боясь разбудить Машу, спрашивал тревожно: «Ну?» И Соня выдавала очередную концепцию, новый поворот, лихо закрученную сюжетную линию. Митя тихо стонал от восторга, тут же требовал: «Напиши!» Автору сценария это почему-то не доверялось. Соня писала.

Разумеется, это был ее первый сценарий, но со своей задачей она справлялась отлично, поэтому список задач постоянно рос и ширился.

Никто в съемочной группе не догадывался, что это ее первый фильм, что раньше она даже не интересовалась кино, да и не мечтала, если говорить совсем уж откровенно.

Спортсмену обычно не до реализации своих творческих способностей, поэтому для нее самой стало открытием это «киноразвлечение», как она любила говорить.

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

Неожиданно для нее самой стало интересно, Митя многому ее учил, показывал все то, что можно сделать в кино руками и головой. Но вот то, что делается, как говорится, святым духом, было ему недоступно.

Оба они молчали об этом, пока Митя держался на ногах. И только в беспамятстве, в тщетных попытках поставить этого алкаша на ноги, вытаскивая его за шиворот из алкогольной лужи, Соня орала, как базарная баба: «Сво-ола-а-ачь! Бездарь несчастный! Феллини недоделанный!»

Митя поначалу агрессивно сопротивлялся, но слово «бездарь» сразу успокаивало, он безвольно повисал на ее шее, шлепался на пол, как неуклюжий кот, и принимался рыдать.

Словом, это были бурные ночи, весьма бурные. Ничего такого Катя себе не представляла.

Наоборот, ей мерещились идиллические картинки, отзывающиеся в сердце сладкой болью жалости к себе. Она не могла отвлечься, подумать о чем-то другом.

Расхожую фразу о том, что месть — это блюдо, которое едят холодным, она во внимание не принимала. Нужно было выпустить пар. Но не на кого — голубки явно пропали. Несколько взломов их почты конкретной информации не дали. Нужен был кто-то из съемочной группы, но никого

МАРИНА КРАМЕР, ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

из них, очевидно, в Москве тоже не было. Значит, кто-то из актеров, кого Митя время от времени снимал. Были у него свои любимцы.

Превозмогая отвращение, она просмотрела за вечер всю его фильмографию — по списку актеров, конечно. И на одной фамилии она задержалась, понимая, что попала в яблочко. Лучшего сообщника все равно было не найти.

Поздним вечером того же дня она настойчиво позвонила в знакомую дверь.

Открыла сама Анна — перепуганная чьим-то поздним визитом. Видимо, она уже спала, но Анна побежала открывать поскорее, пока звонок не разбудил детей.

Увидев Катю, она сразу почему-то впустила ее в квартиру, стараясь вспомнить, где видела эту девушку.

— Добрый вечер.

— Да, здрасте, — Анна засеменила за ней в комнату, — а вы, простите, кто?

Катя резко развернулась к ней лицом. На него падал яркий свет от лампы сбоку.

Анна тупо смотрела на это лицо, так и не улавливая сходства. Ей достаточно было бы перевести взгляд на портрет матери или просто на зеркало в прихожей, чтобы понять...

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

А гостя тем временем явно знала расположение вещей в квартире, была здесь не впервые. Она уверенно прошла в дальний угол, плотно закрыла дверь в детскую и села за овальный стол в центре комнаты.

Внутри она колебалась — никак не могла выбрать правильную тактику. С одной стороны, лучше аккуратно выведать, прикинувшись веником, с другой — раз уж явилась среди ночи, надо говорить все.

— Я — Катя, — ничего умнее она не придумала, — а выпить у тебя есть?

Такая наглость, да еще и приправленная панибратским «ты» от этой девчонки, навела Анну на мысль о том, что происходит, пожалуй, что-то исключительное. Либо она сумасшедшая, либо...

— Катя... Хорошо... Что-то случилось?

— Да. Что-то случилось. Я сейчас расскажу, ты налей мне пока, что есть поближе, чтобы на кухню не ходить.

Анна, как зомби, открыла скрипучую дверцу антикварного буфета.

Она помнила и ненавидела этот буфет с детства, как и комод в прихожей, но это был «чиппендейл», чье имя казалось ей в детстве очень смешным, а отец всегда накрывал комод скатертью, когда в дом заходили посторонние — почтальоны,